

О правовых основах гидроэнергетики

Беляков А.А., главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН

Журнал "Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование"

Номер 4 (45), Декабрь 2010.

Действующее законодательство РФ оставляет вне правового пространства использование водной энергии рек "общего пользования" кем-либо, кроме государства, и не позволяет экспроприировать имущество граждан для строительства новых ГЭС и их водохранилищ. На основе анализа классических правовых норм, Законов Российской Империи и особенностей правового статуса гидроэнергетики в СССР предложены 16 тезисов, которые фиксируют основы справедливого и рационального водопользования в России и место в нем использования гидроэнергетического потенциала рек.

Ключевые слова: текущая вода, объект общего права, воды общего пользования, водные пути сообщения, гидроэлектростанции.

«Vom Wasser haben wir's gelernt,

*Vom Wasser!»**

*«У воды мы этому научились, у воды!». «В путь», песня Ф.Шуберта на стихи В.Мюллера, оп. 23, 1823 г.

В настоящее время в России в связи с проектами достраиваемых или новых ГЭС правовые вопросы не обсуждаются, и сообщения СМИ в конце 2009 г. об удвоении прибыли ОАО «РусГидро» правовой оценки не получили. Новый Водный кодекс, как и его недолговечный предшественник, не дает ответов на вопросы *кто* и *почему* имеет право использовать для получения своей коммерческой выгоды *свойство речной воды течь всегда сверху вниз*. Между тем эти вопросы ученым сообществом обсуждались, ответы на них известны [1, 2]. И ввиду исключительной важности гидроэнергетики для России необходимо вновь вернуться к этим вопросам: без их решения не может быть ни «правового государства», ни социально-экономического развития, ни экологического благополучия.

Что было?

Существуют вещи, которые по своей природе не могут быть объектами собственности, но только *общими* (в терминах римского права - «*res omnium communes*, вещь всеобщая»). Таковы солнце, воздух, море, текущая вода, а также и берега морей и рек.

Когда философ Диоген говорит Александру Македонскому: «посторонись, ты закрываешь мне солнце», его слова - не нигилистическая дерзость киника, а достойное мудреца выражение классического правосознания: никто не вправе умалять право другого пользоваться общим солнцем.

Российские законы, начиная с Соборного уложения 1649 г., детализируя и уточняя в дальнейшем термины и казуистику, считали водами общего пользования воды, служащие путями сообщения, - судоходные и сплавные реки, озера, каналы [3].

Государственная власть как «естественный представитель коллективного блага населения» охраняла общее право «свободного пользования водяными путями Империи», причем в конце XIX - начале XX в. бывали случаи уничтожения органами МПС при содействии местной полиции частных мельниц как чинящих препятствие судоходству или сплаву [4, с. 13].

Водный объект, не причисленный к «водам общего пользования», считался принадлежностью земельного владения и в этом смысле мог быть казенным, частным или др. Именно на таких водотоках возможна была гидроэнергетика, имевшая в России традиционно широкое распространение: водяные мельницы были настолько «обычным явлением русской действительности», что статистики и географы XVIII-XIX вв. их в своих описаниях «забывали упомянуть как самую обыденную, всем известную вещь» [5]. Под «мельницей» в XVIII-XIX вв. понималась гидросиловая установка любого назначения, не только мукомольная. Так, лесопильное производство приводилось в действие «пильной мельницей» и т.д.

Несмотря на развитие в XIX в. применения в промышленности паровых силовых установок и исчезновение после реформ 1861 г. десятков тысяч водяных мельниц, перед Первой мировой войной по суммарной мощности гидросиловых установок Россия занимала 3-е место в мире после Северо-Американских соединенных штатов и Канады, лишь незначительно отставая от последней [6, с. 71, табл. 3].

С юридической точки зрения безразлично, использует ли гидроустановка механическую энергию движения воды непосредственно или же преобразует ее в электрическую. Встречающееся в литературе указание, что в царской России имелись гидроэлектростанции общей мощностью всего лишь 21,5 тыс. л.с. (16 тыс. кВт), конечно, верно, но суммарная мощность всех электрических и неэлектрических установок составляла около 1 млн л.с. (989 тыс. л.с.), т.е. в 46 раз больше.

Поскольку создаваемый для гидроустановки подпор водотока мог повлечь нарушение земельных прав других, прежде всего - верхних (по водотоку) береговых владельцев, постольку он ограничивался законодательно. Так, не допускалось затопление и подтопление земельных угодий верхних землевладельцев, а также подтопление нижних бьефов их гидроустановок, препятствующее нормальной работе последних. Кроме того, если береговые землевладельцы разные, требовалось согласие владельца другого берега на «примкнутие плотины» к его берегу [7, т. X, ч. 1, ст. 442].

Итак, юридической основой гидроэнергетики в России до 1917 г. было признание водотока, не являющегося путем сообщения и потому не причисленного к «водам общего пользования», принадлежностью земельного владения и в этом качестве - объектом собственности землевладельца.

Однако имеются документы, показывающие, что российские юристы осознавали несовершенство здесь закона. Так, Управляющий юридической частью МПС К.Скворцов в 1912 г. рассуждал, что если бы текущая вода была бы объектом собственности, то нижний по водотоку владелец получал бы ее от верхнего как дар, но «в случае несогласия его на принятие этого дара верхний владелец был бы в

необходимости постоянно нарушать чужое право, ибо в большинстве случаев удержать и отвести текущую воду он не в силах» [4, с. 6]. А в решениях Кассационного департамента Сената 1875 и 1884 гг. сказано, что «по свойству текущих вод к ним не применимо понятие материального обладания» и что «вода... не входит в сферу имущественных их (береговых землевладельцев - А.Б.) прав, а, *как общее благо, предоставлена в пользование всем и каждому*» [4, с. 5; курсив мой - А.Б.].

И российское законодательство эволюционировало к классической правовой норме - признанию всех поверхностных вод страны объектом общего права. С 13.06.1890 для причисления реки к «водам общего пользования» стало достаточно лишь констатации ее технической пригодности для сплава. Комментируя это узаконение, выдающийся инженер, общественный деятель и видный чиновник МПС В.М.Лохтин писал в 1907 г.: «А так как по всякой реке, даже самой незначительной, можно во время высоких вод сплавлять лодки, бревна или плоты, то границ вод общего пользования... по нашему закону нет» [8, с. 5]. Необходимо еще раз отметить, что общее право на поверхностные воды актуализировалось в России прежде всего в *праве свободного их использования как путей сообщения*, в связи с чем характерен следующий пассаж В.М.Лохтина: «Представляя собою *общее народное достояние*, река есть путь свободный. Всякий пользуется ее гостеприимством, как хочет: всякий плывет по ней *без всякого спроса и разрешения*, на маленьком ли плотике, в лодке, на барже...» и т.д. [8; курсив мой - А.Б.].

Принципиально важным для понимания смысла происшедшей после 1917 г. правовой трансформации является то, что Законы Российской Империи не признавали «водные течения общего пользования» собственностью государства, таковой могли быть лишь не причисленные к «водам общего пользования» водотоки казенных (находящихся в государственной собственности) земель. А сама мысль о возможности частного присвоения общего достояния или же его коммерческого использования традиционно находилась вне правового сознания. Соответственно, *гидроэлектростанция - коммерческое предприятие, имеющее целью получение дохода от присвоения свойства речной воды течь сверху вниз, - на «водах общего пользования» была невозможна ни при каких формах собственности на нее.*

Именно это было причиной отказов по ходатайствам конца XIX - начала XX вв. о промышленной (коммерческой) утилизации «водяной силы» вод общего пользования: она «не входит в сферу права берегового владельца, а правительство, *не будучи собственником судоходных рек*, не имеет права на нее тоже, не может приобрести ее путем экспроприации, а следовательно, и предоставить третьим лицам» [4, с. 8-10; курсив мой - А.Б.]. В приведенном тексте мотивируется отказ в разрешении деятельности петербургского «Общества электропередачи силы водопадов» (1889 г.), и следует указать типичный факт неадекватного восприятия в советский период причины полученного Обществом отказа: «но частная собственность на землю и воду, стоявшая на пути развития гидроэнергетики в России, помешала Обществу осуществить свои намерения». В действительности же, как видно, помешало общее право на «воды общего пользования» [9].

Итак, расширение общего права на поверхностные воды в России к началу XX в/ вело к сокращению права использования их водной энергии.

Но после 1908 г. правительство России приступило к планомерному соединению внутренних водных путей в связную сеть с кардинальным улучшением судоходных условий магистральных рек посредством их шлюзования [10]. Это расширяло общее право пользования водами (из-за появления новых водных путей, улучшения судоходных условий, повышения водности рек в межень благодаря регулированию стока), и Бюджетная комиссия Государственной Думы утверждала, что при подпоре воды в реках для улучшения их судоходных условий (шлюзовании рек) «продажа

энергии... не может считаться коммерческим предприятием правительства, а явится одним из способов покрытия строительных и эксплуатационных расходов по шлюзованию» [4, с. 17]. Иными словами, средства на расходы по расширению общего права на поверхностные воды могут быть даны самими водами, а не «податным населением» - налогоплательщиками.

При гидротехническом строительстве с целью расширения общего права на воды определенные земли подлежали затоплению или занятию сооружениями. Требовалось их отчуждение, и, если владелец не желал отдать свои земли добровольно, отчуждение необходимо было производить принудительно.

Законы Российской Империи [7, т. X, ч. 1, ст. 575] определяли, что «принудительное отчуждение недвижимых имуществ, равно как и временное занятие их, или же установление права участия в пользовании ими, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за приличное вознаграждение». Этот текст понимался однозначно: согласно отзыву Министерства юстиции от 03.04.1899 «по силе ст. 575... принудительному отчуждению из частного владения подлежат имущества, потребные для государственной или общественной пользы, *но не для нужд предприятия*» [4, с. 10; курсив мой -А.Б.], хотя бы и казенного.

При осуществлении гидротехнических проектов для «общественной пользы» - с целями улучшения судоходных условий, защиты от наводнений и т.п. - занятие под сооружения и затопления частных и крестьянских общинных земель требовало «приличного вознаграждения». Занятие пустующих (некультурных) государственных («казенных») земель каких-либо компенсационных выплат не требовало. Напротив, при необходимости и возможности, особенно в северных губерниях, где доля казенных земель, фактически пустующих, достигала 95% и более, они сами служили компенсационным резервом: например, когда при реконструкции Мариинской системы в 1890-х гг. оз. Белое в истоке р. Шексны было подперто плотиной, затопленные земельные владения были компенсированы из находившихся поблизости казенных земель [11].

Для сопоставления следует указать, что светское земельное право признавало всю территорию СССР собственностью государства, гражданам предоставлялась, по существу, лишь возможность аренды у государства земли в той или иной форме. Поэтому при занятии земель под государственное строительство (в том числе и под водохранилища) производились лишь затраты в связи с переселением, освоением новых земель взамен изъятых и т.п., что и учитывалось в технико-экономических расчетах. Вопрос о «приличном вознаграждении» за экспроприруемую собственность не возникал, т.к. экспроприации не было (субъект собственности один - государство).

Вместе с тем сменились и критерии допустимости изъятий земель под затопления. Это можно проследить в связи с эволюцией проекта шлюзования Днепровских порогов с утилизацией «водяной силы». Мыслившие в рамках «старого» права инженеры указывали на недопустимость повышения напора, желательного для более эффективного использования водной энергии, но ведущего к увеличению затоплений: «более дешевое получение энергии не является целью чрезвычайной, из-за которой можно было бы пойти на коренную ломку жизненного уклада населения», интересы которого «все-таки должны играть доминирующую роль» (Проект шлюзования порожиистой части реки Днепра (МПС, 1914 г., инж. Розов), цит. по: [10, с. 140]). В 1914 г. начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог МПС Н.И.Максимович при обсуждении одной из схем шлюзования порогов указывал, что по ней затопление некоторых сел было бы «выше крестов их сельских колоколен» и высказывал сомнение, что «такое затопление было бы вообще допустимо с государственной точки зрения» [13].

С другой стороны, при разработке в 1920-х гг. проекта «Днепрогэса» И.Г.Александрова (позднее осуществленного) утверждали, что ранее имело место «искусственное ограничение по затоплению, стеснявшее свободу проектирования. Искусственным оно было потому, что исходило не из соображения рациональности с точки зрения общегосударственного хозяйства, а было, так сказать, априорным... Как только национализация земель позволила с этим ограничением не считаться, решение вопроса о затоплении было переведено в плоскость технической и экономической целесообразности» [12, с. 141-142].

Нельзя не заметить, что именно «с точки зрения общегосударственного хозяйства», т.е. народнохозяйственного комплекса государства в целом, развивающегося во времени и наследующего произведенные в прошлом ценности, затраты на приведение новых земель в культурное состояние в связи с затоплением старых не давали увеличения национального богатства, они лишь компенсировали утраченное, т.к. затраты, ранее вложенные в приведение изымаемой земли в культурное состояние и поддержание ее в этом состоянии, уничтожались. То же относится к постройкам и другим материальным ценностям, подлежащим уничтожению в связи с изъятием культурных земель.

Следовательно, при отсутствии «стеснявших свободу проектирования» правовых ограничений «техническая и экономическая целесообразность» оценивалась не корректно, фактические затраты (по сумме национального богатства) не могут быть сведены к учитывавшимся затратам на переселение и компенсационное освоение новых земель, они были значительно большими.

Вместе с тем оправдывающая затопление культурных земель «государственная и общественная польза» при осуществлении гидротехнических проектов в СССР все-таки была: вводились в эксплуатацию бесплатные и неиссякаемые естественные производительные силы (энергия движения воды), улучшалось водоснабжение населенных пунктов, сберегались ресурсы при перевозках по улучшенным водным путям, стабилизировались и повышались урожаи от искусственного орошения и т.д.

Однако, ввиду подмены правовых понятий и критериев экономическими, проекты имели целью *не обеспечение (расширение) общего права на воды, а доход от функционирования коммерческих предприятий*. Эта явная несправедливость в значительной мере смягчалась тем, что эти предприятия были государственными, плата за электроэнергию, воду, водные перевозки и т.п. шла в конечном итоге на общественные или государственные нужды и была, по существу, косвенным налогом.

Итак, в России до 1917 г. государство, осуществляя по отношению к «водам общего пользования» функции охраны и расширения общего права на них, выступало как представитель населения, которому населением доверено управление общим достоянием (водами). В этих условиях закономерным было обращение к правительству частных лиц и обществ с ходатайствами об улучшении судоходных условий, устройстве новых водных путей и т.п., а также с выражениями благодарности за быстрые и эффективные действия. Вместе с тем известны случаи резких протестов деловой общественности при малейших намеках на возможность монополизации вод общего пользования. Такие протесты имели место во время «экономического либерализма» Александра I.

Что есть?

Сохраняя термин «воды (водные объекты) общего пользования», Водный кодекс РФ определяет, что поверхностные воды страны являются объектом собственности, главным образом - государственной (ст. 8). Это положение генетически связано со ст.

11 Конституции СССР, согласно которой «в исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса».

Но поскольку право собственности предполагает юридически абсолютную власть над объектом этого права, включающую возможность его *порчи* или *уничтожения*, постольку государство как собственник вод «общего пользования», даже при отсутствии злоупотреблений или ошибок должностных лиц, вправе:

а) изменять течение рек, перекрывать их плотинами без судопропускных или иных компенсирующих перекрытие сооружений;

б) использовать водные объекты для получения коммерческой выгоды (путем взимания платы за водопользование, продажи электроэнергии, выработанной на ГЭС благодаря естественному свойству воды течь всегда сверху вниз, и т.д.);

в) предоставлять всем гражданам или отдельным лицам на определенных условиях (включая аренду) право пользования водами;

г) загрязнять воды и т.д.

Вытекающее из «права государственной собственности» на воды «право» их загрязнения фактически осуществлялось в СССР государственными предприятиями: субъект собственности вод и предприятий-загрязнителей один - государство; в видах уменьшения капитальных и эксплуатационных затрат по одним объектам (предприятия строились без оборотного водоснабжения, очистных сооружений и т.п.) допускалась порча других (вод). Теперь, когда формы собственности дифференцированы посредством установления лимитов на загрязнение вод и платы за него, государство на определенных (подчас негласно) условиях делегирует свое «право» загрязнять воды (как форму пользования собственностью) другим лицам (негосударственным предприятиям).

В условиях «права собственности» государства на воды и фактического осуществления этого «права» противоречие между государственной властью и населением неизбежно: предоставленное *de jure* «общее право» пользования водами не может быть осуществлено *de facto* (в частности, ввиду порчи «собственником» объекта «собственности» - уничтожения присущих ему свойств).

Итак, в Советский период вопрос, кому принадлежит право использования гидроэнергетического потенциала рек, получил однозначный ответ: собственнику-государству. При этом общее право на воды стало существенно ограниченным, а в оценках целесообразности осуществления гидротехнических проектов с подпором рек плотинами конкретно-правовые критерии были подменены условно-экономическими.

Поэтому при отсутствии фактического использования данной реки для перевозок осуществлялись проекты подпора рек без судопропускных сооружений, что уничтожало возможность использования реки как пути сообщения (например, Ангарский каскад ГЭС уничтожил возможное сквозное судоходство по р. Ангаре).

В настоящее время в России получают прибыли «собственники» действующих ГЭС, выдвигаются проекты новых ГЭС, но в пространство, определенное действующим законодательством, ни то, ни другое не уместится.

Во-первых, в соответствии с действующим законодательством реки в России - по-прежнему объект собственности государства. Из этого следует, что «право»

коммерческого использования гидроэнергетического потенциала рек существует (при всей его парадоксальности), но оно принадлежит государству как собственнику рек, а отнюдь не акционерам электрогенерирующих компаний. Ибо они являются собственниками гидротехнических сооружений и гидроэлектрического оборудования ГЭС, но никак не энергоносителя - текущей сверху вниз и принадлежащей государству воды, без которой ГЭС ни одного киловатт-часа выработать и продать не может.

Во-вторых, при перекрытии реки плотиной для новой или достраиваемой ГЭС без судопропускных сооружений проход по реке становится физически невозможным, река утрачивает способность служить путем сообщения, а общее право использования ее в таком качестве оказывается неосуществимым (ликвидированным). Это вступает в противоречие с гарантиями ст. 34 Конституции РФ:

а) становится невозможным функционирование водотранспортных предприятий (а равно и водная перевозка грузов самим их владельцем), т.е. уничтожается право «предпринимательской или иной не запрещенной законом экономической деятельности» - ст. 34.1;

б) уничтожается возможность выбора того или иного вида транспорта для перевозки (водный, железнодорожный, автомобильный), водный транспорт выводится с рынка транспортных услуг, перевозки монополизированы железнодорожными или автотранспортными предприятиями. Поэтому такое гидротехническое строительство подпадает под запрет ст. 34.2: «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

В-третьих, переселение жителей на другие места в связи со строительством ГЭС и заполнением водохранилища для обеспечения ее «топливом» - ни что иное, как принудительное отчуждение их имущества.

Но по Конституции РФ (ст. 35.3) оно может быть произведено только для государственных нужд (еще раз отметим, что в Российской Империи, до 1917 г., оно было возможно только «для государственной или общественной пользы»!) - поэтому прежде всего должна быть удостоверена государственная нужда в постройке ГЭС и затоплении земель для нее. Но поскольку государство станет не собственником будущей ГЭС, а лишь соучастником этого коммерческого предприятия, то никаких реально-правовых доказательств того, что эта ГЭС нужна государству, нет и не может быть.

Что должно быть?

Lex injusta non est lex*. Не всякий текст, прошедший определенную «законотворческую» процедуру и объявленный «законом», будет законом. Противореча физическим законам или же объективной справедливости (собственно праву), «закон» может и не действовать. Хуже, если с применением специальных административно-принудительных механизмов он все-таки будет приводиться в исполнение: государство, общество и народное хозяйство живут в правовом пространстве, и если последнее деформировано несправедливыми «законами», их криминализация становится неизбежной.

*Несправедливый закон не есть закон. Цицерон. О законах. 1, 42.

Вода - основа самой жизни. Ниже изложены важнейшие **правовые тезисы**, фиксирующие основы справедливого и рационального водопользования и место в нем использования гидроэнергетического потенциала рек.

1. Основой водного законодательства должно быть положение, что воды естественных водных объектов физически не могут быть объектом собственности и, в связи с этим, признание их общими.

2. Главная цель водного законодательства - обеспечение общего права на свободное пользование водами, что предполагает охрану и расширение этого общего права.

3. Цели охраны общего права на воды состоят в:

- сохранении естественных (улучшенных искусственных) качеств вод (чистоты, объема, режима), включая их восстановление;
- недопущении (пресечении) действий, препятствующих осуществлению общего права на воды (свободного пользования водами).

4. Цели расширения общего права на воды состоят в улучшении естественных качеств вод (состава, режима), включая прекращение (предотвращение, уменьшение) вредных воздействий вод, создание межбассейновых соединений (соединение разделенных в естественных условиях вод открывает возможность пользования водами смежного бассейна и самого соединения), и т.д.

5. Все гидротехнические (водохозяйственные) проекты и программы должны быть подчинены целям охраны и расширения общего права на воды (пп. 3, 4), иначе они должны быть признаны противоправными.

6. Законодательно должно быть запрещено устройство на реках сооружений, препятствующих судоходству (сплаву), и предписано построить в действующих подпорных гидроузлах сооружения, позволяющие воднотранспортным средствам беспрепятственно пользоваться транзитным путем.

7. Для осуществления целей охраны и расширения общего права на воды необходимо:

1) наличие специальных государственных органов по управлению в области регулирования, использования и охраны водных ресурсов (ниже, п. 9);

2) наличие имеющей силу государственного закона генеральной программы комплексного регулирования, использования и охраны водных ресурсов России, определяющей стратегические цели государства в этой области и первоочередные этапы их достижения (проекты). Этой программе должны быть подчинены все частные программы и проекты по использованию, восстановлению и охране водных объектов.

8. Учитывая традиционность для России правового приоритета пользования водами как путями сообщения, рекомендуется в качестве основы генеральной государственной водной программы (п. 7, 2) принять постепенное создание объединенной системы внутренних глубоководных путей с многофункциональными межбассейновыми соединениями, шлюзованием рек и многоцелевым регулированием их стока водохранилищами при обязательной утилизации энергии подпора гидроэлектростанциями.

В связи с этим могут быть обозначены и **стратегические цели** государства в области внутренних вод [14]:

- создание охватывающей всю страну единой сети глубоководных путей суммарной протяженностью до 1 млн км (средняя плотность до 0,6 км/км²);
- практически полное зарегулирование речного стока с возможностью его территориального перераспределения («единая водохозяйственная система»)

и, в связи с этим, радикальное улучшение качества поверхностных вод и гарантированная защита от вредных воздействий вод;

- ввод в эксплуатацию гидроэнергетического потенциала рек в объеме до 1,5 трлн кВтч/год.

Финансово-экономической основой осуществления такой программы правомерно должна стать гидроэнергетика.

9. Для осуществления государственной части указанной программы, эксплуатации государственных гидроузлов и их бьефов, унификации требований к проектированию, строительству и эксплуатации гидроузлов, экспертизы проектов, организации государственно-частного партнерства для осуществления строительных проектов, надзора за строительством и эксплуатацией негосударственных гидроузлов, распоряжения государственным водным фондом и т.п. должно быть организовано одно государственное ведомство - Министерство водных ресурсов. В него должны войти нынешние бассейновые структуры Минприроды и Минтранса, все имеющиеся в стране водохранилища, гидротехнические сооружения и гидроэлектростанции.

Расходная часть его бюджета должна состоять из расходов по эксплуатации всех гидросооружений и водохранилищ, по контролю качества вод, противопаводковым и иным защитным мероприятиям, по содержанию водных путей и навигационной обстановки, а также на новое гидротехническое строительство; доходная часть - из дохода от сбыта электроэнергии всех ГЭС и поступлений платы за водопользование.

10. Плата за водопользование допустима только в качестве компенсации стеснения общего права на воды. Поэтому:

а) такая плата не должна взиматься с водопользователей, не стесняющих de facto общее право на воды;

б) она должна поступать только в целевой государственный водный фонд, устав которого, утвержденный в законодательном порядке, не должен допускать расходования средств из него иначе, как на нужды охраны и расширения общего права на воды в рамках государственной водной программы (пп. 7, 2; 8);

в) включение любых видов платы за водопользование в себестоимость продукции противоправно; она должна взиматься только с чистого дохода предприятий.

11. Ввиду того, что при гидротехническом строительстве и создании новых водохранилищ в рамках государственной водной программы (пп. 7, 2; 8) потребуется занятие земель под сооружения и затопления, необходимо признать, что некультурная земля (т.е. земля в ее природном состоянии) объектом собственности быть не может.

12. Земли, фактически являющиеся некультурными, учитывая исторический опыт Российской Империи - СССР и их современный статус, следует сохранять государственными. Такие земли должны быть законодательно разграничены на:

1) земли, являющиеся резервом освоения (собственно некультурные);

2) земли, сохраняемые в природном состоянии в видах целенаправленного воздействия на окружающую среду (экологические объекты).

13. Занятие приречных земель водохранилищами должно рассматриваться как одно из возможных их культурных назначений. Поэтому некультурные земли, благоприятные для создания водохранилищ, должны резервироваться с таким назначением.

14. При занятии под гидротехническое строительство в рамках государственной водной программы (пп. 7, 2; 8) некультурных земель независимо от их статуса (п. 12) какая-либо компенсация не требуется.

15. Экспроприация культурных земель под сооружения и затопления в рамках государственной водной программы (пп. 7, 2; 8) допустима, но должна быть сведена, по возможности, к минимуму и обоснована технически и экономически.

16. Ценность культурной земли определяется вложенным в нее трудом предшествующих поколений. Поэтому согласие граждан для общей пользы предоставить свою землю под сооружения или затопления при осуществлении государственной водной программы (пп. 7, 2; 8) и переселиться в другое место, помимо предоставления равноценного участка земли, жилья и т.п. (по ст. 35.3 Конституции РФ), должно считаться гражданским подвигом, отмечаться мемориальными надписями на капитальных сооружениях, особыми государственными наградами. Целесообразно также устанавливать в акваториях водохранилищ памятники-маяки с соответствующими надписями на местах бывших населенных пунктов.

Литература

1. *Беляков А.А.* Классическое право и законы Российской Империи в связи с правовыми проблемами регулирования, охраны и использования водных ресурсов Российской Федерации // Труды Академии водохозяйственных наук. 1996. Вып. 3.

2. *Беляков А.А.* Римское право и законы Российской Империи в связи с проблемой рационального водопользования // Древнее право. 1998. № 1.

3. *Никольский Ф.* Воды общего пользования по русскому законодательству. СПб., 1883.

4. Заключение юридической части Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог по вопросу о разрешении предприятий, имеющих средством использовать электрическую энергию силы падения воды на реках общего пользования. СПб., 1912.

5. *Любомиров П.Г.* Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 224-225.

6. План электрификации РСФСР. М., 1920.

7. Полный свод законов Российской Империи / Под ред. А.А.Добровольского. СПб., 1911. Кн. 1, 2.

8. *Лохтин В.М.* Значение водяных путей и их нужды. СПб., 1907.

9. *Богорад М.Л.* Водяные турбины и их создатели. М.-Л., 1953. С. 36

10. *Беляков А.А.* Внутренние водные пути в правительственной политике России конца XIX - начала XX века // Отечественная история. 1995. № 2. Внутренние водные пути в правительственной политике России конца XIX - начала XX века // Отечественная история. 1995. № 2.

11. *Петрашень И.В.* Мариинская система. 1810-1910. СПб., 1910.

12. *Малышев В.М.* История проблемы использования порожиистой части Днепра. М., 1925.

13. *Максимович Н.И.* По вопросу о Днепровских порогах // Известия Собрания инженеров путей сообщения. 1914. № 2.

14. *Беляков А.А.* Транспортно-энергетическая водная система (ТЭВС) Евразии как основа Единой водохозяйственной системы России и сопредельных стран // Международная научно-практическая конференция «Экологическая безопасность государств-членов Шанхайской организации сотрудничества». Сборник материалов. Т. 2. Екатеринбург, 2008.

15. *Беляков А.А.* Зачем России «Транспортно-энергетическая водная система»? // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2010. № 1. С. 90-96.